

В этот момент Линь уже закончил работу и вернулся домой, так что, разумеется, ответить он не мог.

«Наверное, это всего лишь галлюцинация — конечно же, галлюцинация», — так Фельдграу Дуофюр убеждал себя, но в его сердце внезапно поднялась сильная тревога.

Он прижал пальцы к вискам, подавляя порыв просто пойти и взглянуть на Линя, и попытался сосредоточиться на документах перед собой. Однако, даже обладая способностями служителя высокого уровня, значительно превосходящими обычных людей, он не смог осмыслить ни единого слова — взгляд скользил по странице, не задерживаясь.

Фельдграу боролся с собственной совестью.

Чувство надвигающейся беды становилось всё отчётливее, и нравственные колебания продержались лишь мгновение. Фельдграу помедлил; сказал себе, что посмотрит всего одним глазком; затем встал и покинул своё место.

В вспыхнувшем алом свете возникла винтовка с оптическим прицелом. Фельдграу взял её, опустил ствол вниз, закрыл один глаз, а другим прижался к окуляру.

Открытый розовый глаз словно втянул весь свет в зрачок, радужка потускнела.

Его взгляд прошёл сквозь перекрытия и стены, следуя направлению ствола, к расположенным на третьем этаже в юго-западной части города, почти у городской стены, апартаментам «Мятное масло».

Он увидел: в квартире 203 Пятнуля и Хвостик делают домашнее задание, а Парамба, лежащий на кровати под капельницей, медленно перелистывает старые учебники Линя.

А сам Линь сидел на краю нижней койки двухъярусной кровати в своей комнате. Перед ним стоял жестяной ящик, служивший одновременно шкафом и письменным столом; на нём была раскрыта подборка научных работ, взятая в архиве ритуального отдела.

Похоже, совсем недавно он учился.

Но теперь Линь, в крайне неудобной позе, уснул, уткнувшись в страницы.

Грудь его быстро вздымалась, дыхание было частым и тяжёлым.

Фельдграу вспомнил выписку после госпитализации инквизитора, к которой у него был доступ, но которую он обычно не просматривал, и сопоставил её с тем, что видел сейчас через прицел, оценивая жизненную силу Линя, словно проводя повторный осмотр за кровеплотяного

целителя из медицинского подразделения: да, простуда действительно прошла.

Но напряжённое выражение лица Линя ясно говорило о том, что ему сейчас плохо.

«Кошмар? Не слишком ли часто Линю в последнее время снятся кошмары?»

По его виду на утреннем совещании было ясно, что прошлой ночью он тоже плохо спал.

«Этот новорождённый бог снов... Или же проклятие Мелодии Раковины всё ещё не рассеялось окончательно?»

Фельдграу медленно опустил винтовку, возвращая её в хранилище оружия. Он бросил взгляд на документы на столе, задумался, затем взял бумаги и перо, подошёл к двери кабинета, надел пальто с вешалки и вышел.

Он не знал, что его сомневающееся, почти машинальное обращение на самом деле достигло того, кому было предназначено.

— Линь?

Появилась новая серебряная световая полоса — она возникла одновременно с этим нерешительным, но мгновенным откликом. Линь не ожидал услышать голос верховного инквизитора и с удивлением посмотрел в другую сторону, но не увидел Фельдграу Дуофюра — лишь серебряную линию, указывающую на него, второй конец которой уходил в бесконечную даль.

Эту новую полосу не нужно было тянуть — она уже являлась идеально прямой.

И когда Линь протянул руку, чтобы прикоснуться к ней, он понял: это не световая полоса, а луч.

В отличие от связи между ним и Кристabelle Померан, Линь не мог изменить этот луч — зато луч менял его.

Он опустился на Линя, словно накладывая на него новую силу. Линь всё ещё резонировал с оскверняющими воплями и бормотанием, но колебания стали куда слабее.

Он смог понемногу собрать обратно только что «расколовшийся» разум и при этом получил больше сил, чтобы удерживать связь с Кристabelle.

Через несколько секунд луч внезапно стал ярче.

В этом сиянии Линь посмотрел на себя: нос — это нос, рот — это рот, руки — это руки, ноги — это ноги.

Он — это он сам. Цельный, устойчивый.

Луч светился ярко лишь несколько секунд, затем вернулся к прежней интенсивности. Но полностью стабилизировавшийся Линь больше не так легко входил в резонанс с осквернением. Теперь ощущения напоминали поездку в машине по неровной дороге: немного трясёт, слегка подташнивает, но терпимо.

Потому что тот, кто послал этот луч, был не только прочно связан с Линем, но и сам по себе чрезвычайно устойчив.

«Верховный инквизитор... Ненависть обладает ещё и таким эффектом? Не поэтому ли тёмные боги постоянно провоцируют Инквизицию? Хотя... что-то не сходится. И всё же этот луч направлен не на инквизитора Линя, а на Око Зазеркалья, верно? Или же верховный инквизитор ко всем знакомым ему инквизиторам Шпиневиля испытывает исключительно чистую... заботу и стремление защитить?»

Вроде бы это было возможно, но Линю всё равно казалось, что что-то здесь не так.

Он дёрнул уголком рта, отогнал странные догадки и вновь сосредоточился на деле.

Если вернуться к исходному выводу — нужно стабилизировать и Кристабель. Если она станет устойчивой, это значительно снизит его нагрузку.

Но как?

Линь посмотрел на Кристабель. Раньше в ней всегда была доля неопределённости, но разве люди не таковы? Жизнь постоянно меняется: за одну секунду человек может стать совершенно иным — как бабочка, расправляющая крылья на ветру; как цветок, раскрывающийся на свету.

Убеждения, ценности, восприятие — они никогда не бывают неподвижны, они постоянно смещаются.

«Так что же делали Божественные Столпы?»

Ах да — через ритуалы они помогали верующим, желающим стать служителями, понять, принять и выковать в своей силе служителя неизменные законы.

«...Значит, нужно поступать также».

Механик не должен утопать в мире механизмов — он обязан смотреть вовне и осторожно выстраивать отношения между машинами и людьми.

«...Именно так».

Рыцарь крови должен через растворение приблизиться к обратной стороне жизни — к смерти, и в этом процессе понять связь крови, «я» и жизни, чтобы знать, как исцелять кровью и как сражаться ею.

А Кристабель...

— Поздравляю, — Линь закрыл глаза и вновь открыл их. — Ты наконец поняла.

— «Повелитель?» — Кристабель, уже готовившаяся вытащить кинжал из груди Радоцвета Сикадира, услышала голос Линя и тут же с радостью ответила мысленно.

В радости промелькнуло и сомнение: голос господина звучал чуть слабее обычного.

Но эта слабость исчезла, когда Око Зазеркалья продолжил говорить, и Кристабель решила, что просто ослышалась от волнения.

Голос её повелителя всегда был мягким и твёрдым.

Он сказал:

— Познание собственного сердца для идущих по этому пути — не пустые слова. Ты уже знаешь, как эмоции и мысли могут влиять на человека. Они могут стать цепями и сковать тебя; могут стать крыльями и поддержать. Они могут быть лучшим лекарством, позволяющим жить дальше, а могут — самым острым клинком. Сейчас этот клинок в твоих руках. Ты можешь направить его на врага, но это клинок с двумя лезвиями: независимо от того, направляешь ли ты его на противника, одно из лезвий всегда обращено к тебе самой. Итак, мисс, ты понимаешь, что тебе предстоит делать дальше?

— Да, — Кристабель прижала руку к груди и благоговейно опустила взгляд. — Я буду непрерывно сражаться со своим сердцем, познавать себя и одерживать очередную победу.

— Хорошо, — тихо рассмеялся Око Зазеркалья. — Тогда пусть враги узнают тебя, новорождённый... клинок разума.

Магия, которая уже несколько секунд росла с чрезвычайно медленной скоростью, внезапно расцвела в теле Кристабель, словно растения, возвращённые пастырем цветов. Её тело было заново сформировано магией, и в её сознание хлынули бесчисленные знания.

[Клинок разума]

Ты получила благословение Ока Зазеркалья. Он даровал тебе следующие таланты:

Восприятие эмоций — ты можешь своими глазами видеть чувства всех существ с душой.

Эмоциональный взрыв — ты можешь высвобождать эмоции, многократно усиливая заклинания или наполняя ими свой мысленный клинок, нанося больший урон. Количество взрывов ограничено во времени; принудительный взрыв при полном истощении лишает способности к магии на некоторое время.

Клинок страха — ты победила свой страх и можешь извлекать его из разума, превращая в невидимый, но существующий мысленный клинок. Длина лезвия — тридцать сантиметров; им можно блокировать удары и убивать. Даже отделившись от тебя, он сохраняется в течение тридцати секунд.

Кристалль поняла намёк: господин советовал изучать бой с оружием, особенно метание ножей.

После талантов она получила и список заклинаний.

Самогипноз — верь в себя: верь, что твой удар сильнее, что ты быстрее, что можешь жить без пищи, что ты не ранена — и потому не чувствуешь боли и можешь продолжать бой.

Дружелюбие — в восприятии существ с душой ты кажешься надёжной и располагающей.

Обнаружение мыслей — ты можешь узнать мысли конкретного существа.

Покров разума — ты можешь временно стереть своё существование из мыслей и поля зрения выбранного существа.

И многое другое — Кристалль лишь пробежалась по ним, остановившись на редком атакующем заклинании.

Одиночный взрыв эмоций — ты используешь эмоции врага, нанося сокрушительный удар по его разуму. Это может привести к смерти.

«Привести к смерти? Как повезло».

Кристалль без колебаний высвободила свои эмоции, усиливая взрыв.

Только что вошедший в воду Аромгеро Масима взглянул в сторону Радоцвета и увидел, как Кристабель смотрит на него, а из её глаз льётся серебряный свет.

Бум!

Серебряный свет взорвал эмоции Аромгеро — его разум будто поразили тяжёлым молотом.

Он видел смерть Радоцвета, но вспыхнувшая в нём настороженность не смогла защитить от магической атаки.

Тем более что до сегодняшнего дня самым близким заклинанием к Одиночному взрыву эмоций считался Взрыв желания из области Девы Серебряной Луны. Смерть от перевозбуждения — не то же самое, что гибель от разрушения разума.

Аромгеро был совершенно не готов.

Из его носа потекли две струйки крови. Дыхание ещё сохранялось, но мозговая деятельность уже прекратилась.

Кристабель вырвала малышку Нефрит из его ослабевших рук, затем, работая ногами, поплыла к поверхности.

Буль!

С водорослями, прилипшими к лицу, Кристабель вынырнула и подняла малышку Нефрит над водой.

Руки тут же приняли младенца и начали оказывать первую помощь, но ещё больше рук ухватили саму Кристабель.

Весполаро Хаски и священники Матери Первозданной Крови вместе вытащили её из реки.

Они окружили Кристабель. Весполаро, широко раскрыв глаза, осматривала руку, пронзённую кинжалом, но Кристабель вовсе не обратила внимания на рану и лишь улыбнулась:

— Я убила того мужчину.

— Невероятно, Кристабель! — тут же воскликнула Весполаро, по-прежнему не зная, что незнакомый быколлюд являлся Радоцветом. — В любом случае, он — культист, смерть ему к лицу. Как ты себя чувствуешь?

Кристалбель покачала головой:

— Как малышка?

Священник Матери Первозданной Крови поднёс к ней ребёнка. Пелёнки оставались мокрыми, на них ещё виднелась кровь, но все раны малышки Нефрит уже были исцелены заклинаниями.

Глядя на её всхлипывающее личико, улыбка Кристалбель стала мягче.

Затем она закрыла глаза и потеряла сознание.

Верховная инквизиторша Альманвиля, погасив пламя вокруг себя, подошла к миниатюрной пёсолюдке-померанке.

Она посмотрела на улыбку на лице Кристалбель, затем перевела взгляд на тело Аромгеро Масимы, погибшего от удушья в воде из-за смерти мозга — он не мог больше создавать себе пузырьки воздуха листьями водорослей; труп плавал на поверхности вместе с рыбой.

Долгое время она молчала.

Затем верховная инквизиторша Альманвиля приказал секретарю:

— Мисс Кристалбель в этом бою соприкоснулась с чрезмерным количеством осквернённой магии. Подготовьте для этой храброй леди одиночную палату в комнате очищения.

***

В то же самое мгновение, в божественном царстве Ока Зазеркалья, Линь, едва не рассыпавшийся на части, наконец пошевелился.

Он поднял руку и увидел, как трещины на коже срастаются, затем поднял голову и заметил Моисея Гуппи, стоящего неподалёку — тот не решался ни уйти, ни подойти.

Русал смотрел на него.

Лицо Моисея было залито слезами.

<http://bllate.org/book/12612/1245957>